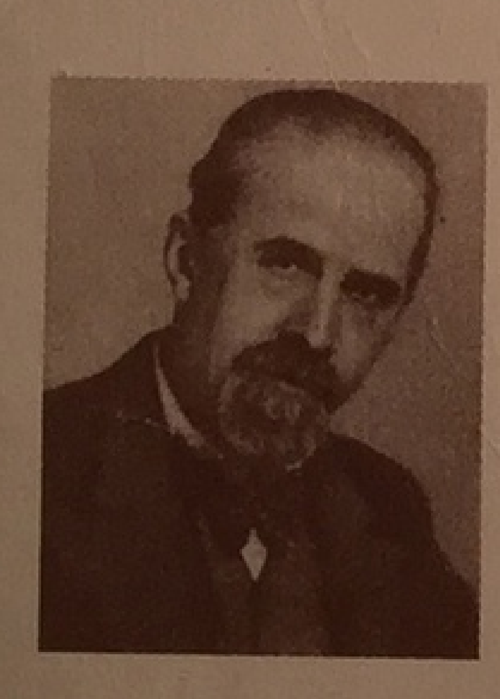

Сказки.
Сестрица Аленушка и Братец Иванушка.
Белая Уточка
И.Б. 1899.
Рисунки
И. Я. Билибина.

РФ
С 42

ГОЗНАК
МОСКВА
1986

Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) – русский график-иллюстратор и театральный художник.

И. Я. Билибин создал характерный „билибинский стиль" книжной иллюстрации, основанный на изощренной стилизации мотивов народного и средневекового русского искусства (лубка, вышивок, резьбы по дереву, миниатюр-рукописей и др.). Строгая графичность рисунка, плоскостность форм, орнаментальность и декоративность общего решения сближают произведения И. Я. Билибина с графикой стиля „модерн".

Иллюстрации И. Я. Билибина к русским сказкам и былинам воссоздают сказочный и фантастичный мир русского фольклора.

Сестрица Аленушка и братец Иванушка.

Идут двое сироток по далекому пути, по широкому полю. Померли у них отец с матерью, оставили сиротами дочку Аленушку да сынка Иванушку. Вот и пошли они странствовать по белу свету.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Аленушка, как пить хочется!

— Потерпи, братец, вот дойдем до колодца.

Шли-шли, дошли до пруда, а около пасется стадо коров.

— Сестрица Аленушка, напьюсь я из пруда.

— Не пей, братец, теленочком станешь.

И. БИЛИБИНЪ 1901.

Братец послушался, и пошли они дальше. Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Видят они реку, а возле ходит табун лошадей.

— Сестрица Аленушка, как пить хочется! Хлебну я речной водицы!

— Не пей, братец, жеребеночком станешь.

Вздохнул Иванушка, и пошли они дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Шли-шли и видят озеро, а около него пасется стадо коз.

— Сестрица Аленушка, мочи нет, пить хочется. Напьюсь я водицы из озерка!

— Не пей, братец, козленочком станешь.

Не послушался Иванушка сестры, напился водицы и стал козленочком.

Села Аленушка под стожок и залилась горючими слезами, а козленочек возле нее по травке скачет. Наплакавшись, обвязала она его шелковым поясом и повела за собою.

Как-то козленочек бегал без привязи и забежал в сад к царю, а Аленушка, его ищучи, туда же зашла. Слуги увидали и сказали царю, что в сад забрел козленочек, а за ним пришла девица, такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Царь приказал спросить, кто она такая. Аленушка рассказала:

— Были у нас батюшка с матушкой да померли. Остались мы сиротками, меня зовут Аленушкой, а братца — Иванушкой. Шли мы по дальнему пути, по широкому полю и видим у озерка пасется стадо козочек. Братец не утерпел, напился водицы из озерка и стал козленочком.

Слуги доложили все это царю. Царь приказал привести девицу с козленочком, и сам расспросил ее обо всем. Приглянулась ему Аленушка, и захотелось ему на ней жениться.

— Поди, — говорит, — за меня, я тебя наряжу в злато-серебро и козленочка не покину. Где будешь ты, там и он.

Согласилась Аленушка. У царя ни пива варить, ни вина курить — скоро сладили свадьбу и стали жить-поживать. И козленочек живет с ними. Гуляет себе по саду, а ест и пьет вместе с царем и царицей. Добрые люди, глядя на них, радовались, а дурные завидовали.

Вот как-то раз поехал царь на охоту. Откуда ни возьмись и пришла к Аленушке злая ведьма, заговорила ее ласковыми речами, заманила к синему морю, навязала ей на шею камень да и бросила в воду. А сама оборотилась царицей, нарядилась в ее платье да и заселилась в царских палатах. Никто ничего не заметил. Даже сам царь, как приехал с охоты, не распознал ее. Только цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Одному лишь козленочку все было ведомо, один он печалился, не пил, не ел, а все ходил около моря да жалобно кричал.

Нелюбо это стало ведьме. Как снова уехал царь на охоту, начала она козленочка бить, колотить, а потом пригрозила ему:

— Вот воротится царь, я попрошу, чтобы тебя зарезали.

Приехал царь, ведьма так и пристает к нему:

— Прикажи, да прикажи зарезать козленочка, он мне надоел, опротивел совсем!

Удивился царь — так любила жена козленочка, с собой его поила-кормила, а то вдруг велит резать. Да делать нечего, уж так она упрашивала, что царь наконец согласился и позволил его зарезать.

Велела ведьма разложить костры высокие, навесить котлы чугунные, наточить ножи булатные.

Проведал козленочек, что ему недолго осталося жить, заплакал, подбежал к царю и просится:

— Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

Царь пустил его.

Вот козленочек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режек.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему из воды отвечает:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень ко дну тянет,
Шелкова́ трава ноги спутала,
Люта́ змея сердце высосала!

Козленочек заплакал и воротился назад.

Посередь дня опять просится он у царя:

— Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

Царь пустил его.

Вот козленочек прибежал к морю и жалобно закричал:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режек.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему из воды отвечает:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень ко дну тянет,
Шелкова́ трава ноги спутала,
Люта́ змея сердце высосала!

Козленочек заплакал и воротился домой.

Попросился козленочек в третий раз:

— Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

Царь и думает: „Что бы это значило, козленочек все бегает на море“. Отпустил он его, а сам пошел за ним следом. Приходит к морю и слышит — козленочек вызывает сестрицу:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режек.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему из воды отвечает:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень ко дну тянет,
Шелкова́ трава ноги спутала,
Люта́ змея сердце высосала!

Козленочек опять начал еще жалобнее вызывать сестрицу.

Аленушка всплыла кверху и показалась над водой.

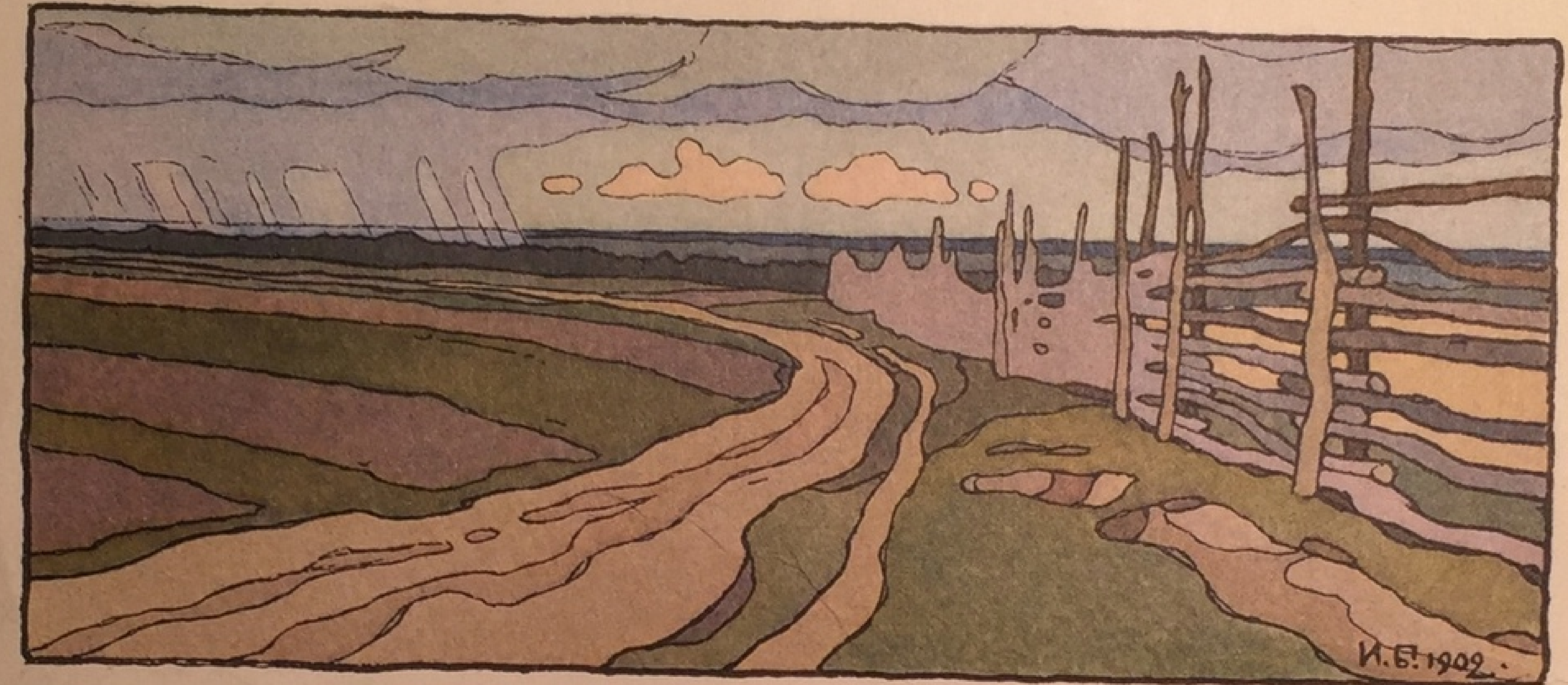
Царь ухватил ее, сорвал с шеи камень, вытащил Аленушку на берег да и спрашивает, как это сталося? Она ему все рассказала.

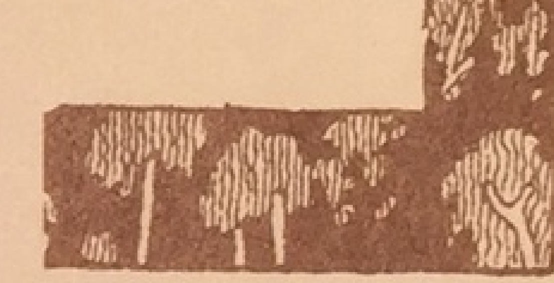
Царь обрадовался. Пошли они все вместе в сад, а в саду все зазеленело и зацвело. И козленочек-то так и прыгает, так и прыгает. Потом от радости перекинулся он три раза через голову и снова обернулся мальчиком Иванушкой.

А ведьму приказал царь казнить. И сожгли ее на тех самых высоких кострах, что велела она разложить для козленочка. Пепел ее собрали да по ветру развеяли, чтобы и памяти об ней не осталося.

А царь с царицей да с братцем Иванушкой стали жить да поживать, да добра наживать.

Белая Уточка

Один князь женился на прекрасной княжне. Не успел он на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее ласковых речей наслушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век, обнявшись, не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых

речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал, а она заперлась в своем покое и никуда не выходит, ни с кем не видится.

Много ли, мало ли времени проходит, скоро и князю надо бы воротиться. Все тоскует княгиня, как вдруг пришла к ней женщина, с виду такая простая и ласковая. А была это злая ведьма, и задумала она погубить молодую княгиню.

Стала она ее уговаривать:

— Что ты все скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову освежила.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела выходить, наконец подумала, что по саду походить не велика беда, и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит ведьма, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная — так и плещет. Не искупаться ли нам?

— Нет, нет, не хочу! — говорит княгиня, а потом и подумала: „Ведь искупаться не беда, от этого ничего не будет“ — скинула сарафанчик да и прыгнула в воду.

Только она окунулась, ведьма и ударила ее по спине. „Плыви ты, говорит, белой уточкой!“ И поплыла княгиня белой уточкой.

Ведьма тотчас обернулась княгинею, нарядилась в ее платье, надела княжеские уборы и села поджидать князя. Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, и из тех яичек народились мальчики, два крепких, здоровеньких, а третий не удался — хил да слаб, совсем заморышек. Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики сбирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали. Нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше-дальше, и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила, напоила и спать уложила, а сама велела разложить костры, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули — а заморышка, чтоб не застудить, велела им мать в пазушке носить — заморышек-то и не спит, все слышит, все видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, или нет?

Заморышек отвечает:

Мы спим — не спим, думу думаем,
Что хотят нас всех порезати,
Огни кладут калиновые,
Котлы высят кипучие,
Ножи точат булатные!

И. БИЛИБИНЪ. 1902.

И. БИЛИБИНЪ.
1902.

„Не спят“ — думает ведьма. А у нее была припасена рука мертвеца, если обвести ею спящих, то станет их сон непробудным. Вот ушла она, походила-походила да и опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

Мы спим — не спим, думу думаем,
Что хотят нас всех порезати,
Огни кладут калиновые,
Котлы высят кипучие,
Ножи точат булатные!

„Что же это все один голос?“ — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь и видит, что оба брата спят крепким сном. Она обвела их мертвой рукой — они и померли.

Поутру белая уточка зовет деток — детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе белы, как платочки, холодны, как пласточки, лежали братцы рядышком. Бросилась она к ним, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря-кря, мои деточки!
Кря-кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Темну ночь не досыпала,
Сладок кус не доедала!

— Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает!

— Это тебе так чудится! Велите утку со двора прогнать!

Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря-кря, мои деточки!
Кря-кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная.
Отняла у вас отца ро́дного,
Отца родного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живет — величается!

„Эге!“ — подумал князь и закричал:

— Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается. Выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он уточку за крылышко, а ведьма оборотила ее веретеном. Князь догадался, переломил веретено надвое, один конец бросил перед собой, а другой позадь себя и говорит:

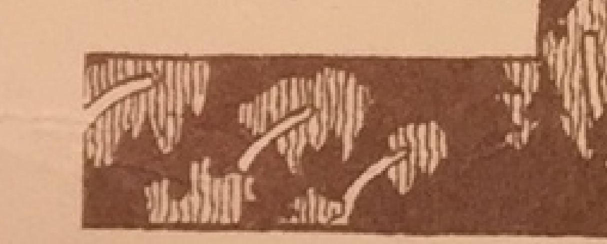
— Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню. Обняла она его и все ему рассказала.

Стали князь с княгиней думать да гадать, как оживить деток. Поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящей водой — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к конским хвостам и размыкали ее кони по чистому полю: где оторвалась нога — там стала кочерга, где рука — там грабли, где голова — там куст да колода. Налетели птицы — мясо поклевали, поднялися ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти.

Русские народные сказки
„Сестрица Аленушка и братец Иванушка“ и „Белая уточка“

Обработка текста и редакция А. В. Вансловой.

Ответственный за выпуск О. М. Абрамов
Технический редактор Т. Е. Сбратова
Корректоры Д. М. Голубева, Р. В. Пешкова
Печатники А. С. Горбачев, Б. М. Кузнецов

Подписано в печать 30.01.86. А 05131. Бумага 520×950/6 Краснокамской бумажной фабрики Гознака.
Гарнитура рубленая. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 1,82. Тираж 50 000. Заказ 2325. Цена 80 коп.

Гознак, 113162, Москва, Мытная, 17.

Московская типография Гознака, 129301, Москва, пр. Мира, 105.

Цена 80 к.